

ЗАЧЕМ Я ЭТО ДЕЛАЮ?

Аннотация

В чем состоит основная задача политолога сегодня? Разве в популярном обозрении социально-политических процессов и описании общеизвестных явлений? Основной задачей политолога сегодня является критический анализ действительности, сомнение в ее, казалось бы, фундаментальных истинах. В то же время современную проблематику невозможно осмыслить без погружения в ее самые темные и неизведанные глубины, без возвращения к ее истокам. Несмотря на то, что сегодня левосоциальная теория пребывает в критическом состоянии, мы вновь выдвигаем тезис о ее актуальности и применимости к реалиям настоящего времени. Посредством рассмотрения ключевых противоречий современности нами будет произведено вскрытие существующей социально-политической системы и последующее вынесение диагноза таковой.

Ключевые слова: история социально-политических учений, политическая философия, постмодерн, Маркс, неомарксизм, отчуждение, репрессивность, тоталитаризм.

Автор

Ахмедов Николай Тимурович

Студент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Когда мы пытаемся познать действительность, то есть достаточно большой риск стать ее частью. Когда мы углубляемся в решение каких-либо проблем, вне зависимости от их масштаба, никто не исключает проникновения таковых в нашу собственную жизнь. Когда мы нацеливаемся на преобразование окружающей среды, необходимо остановиться и посмотреть вдумчиво вдаль. Не эта ли самая среда произвела нас на свет? Когда мы долго всматриваемся в бездну, бездна постепенно начинает всматриваться в нас [1. — С. 32], с оговоркой на то, что мы уже являемся ее соучастниками. Чем же является современный мир на самом деле: нами самими или бездной? Сегодня, начиная с популярных блогов и заканчивая университетскими кафедрами, мы так часто слышим о всеобщем мире и благополучии, общемировом стремлении к равенству, единству и справедливости, повсеместном счастье

каждого отдельного человека вне зависимости от каких-либо якобы субъективных факторов. Специально для нас создаются стройные и изящные теории, согласно которым мы живем так, как мы живем, не плохо, не хорошо, не богато, не бедно; наша действительность такая, какая есть, и этим все сказано. Безусловно, в дополнение к ним прилагается соответствующий свод правил, гласящих, как бы это ни было банально, что нельзя выходить за определенные рамки, нельзя критиковать систему, нельзя даже подвергать сомнению ее якобы фундаментальные истины. Казалось бы, после свершения проекта постмодерна совершенно смело можно заявить, что идеология релятивизма совершила свою решительную и окончательную победу, утвердившись на пьедестале всемирного господства. Однако мы приняли рядового пророка за мессию. Релятивизм — всего лишь способ, но никак не путь, парадоксаль-

но, но никак не объективная истина. Он не может быть идеологией, хотя бы потому, что с момента своего появления на свет всегда яростно выступал против таковой, в то же время пытаясь высвободить из ее оков каждого пленника. Релятивизм сыграл крайне жестокую шутку со своими последователями. Он провозгласил: правил нет; однако они отсутствуют не только для его целевой аудитории, но и в ее отношении. Она может делать все что угодно, точно так же как и заинтересованные группы и лица могут делать с ней все, что им вздумается. Из средства борьбы релятивизм превратился чуть ли не в основной гарант стабильности сегодняшнего дня. Официально заявленная свобода выбора, наверно, забыла напомнить, что как каждый может воспользоваться ей, так и она в лице тех, кто является ее главными поставщиками, может воспользоваться каждым. Словно пламя из незатушенного костра, релятивизм перекинулся на современную науку, тем самым лишив ее всякого представления об истинности или ложности, пользе или вреде тех или иных гипотез, теорий, концепций. Верно все, если оно не противоречит дискурсу современности. Все является частью действующего порядка вещей, по своей природе лояльного в той степени, в которой уже обесценится его свержение в пользу радикально настроенных ретроградов и традиционалистов. Именно так осуществляется постепенный переход от постмодерна к контрмодерну — новой эпохе, построенной на отрицании прогресса современности как такового. Способна ли такая поистине тлетворная и губительная наука объяснить ключевые явления действительности? Разумеется, нет. Приблизить нас к нахождению ответов для предотвращения новой всемирной катастрофы может исключительно изучение идей прошлого, в котором мы когда-то совершили непоправимую ошибку. В этой стезе наша первоочередная необходимость — левосоциальная теория —

совокупный конструкт всех социально-политических учений несогласия и протеста, способный предоставить нам достойную альтернативу грядущей системе бездны.

Мы были обречены на созерцание одной из наиболее тяжелых проблем настоящего. Теория политики перестает быть теоретичной, медленно погружаясь в хаос. Мы пытались научиться смотреть, но в итоге пришли к поверхностному просматриванию без проникновения в глубину исследуемого предмета. Мы попались в ловушку. Научный плюрализм — это красивый миф, один из тех, на которых держится современное общество. Он якобы пытается освободить нас от субъективизма и оценочных суждений, открывая перед нами весь простор социально-политической мысли всех времен и народов. Однако, как нам уже известно из опыта истории, сочетание несочетаемого ведет только к потере смысла. И общество перестает быть обществом в привычном для нас понимании. Оно превращается в спектакль [2. — Р. 35]. Распухший орган, жизнедеятельность которого держится исключительно на пресловутом мифотворчестве. В качестве примера рассмотрим самое популярное оправдание существующей системы — миф о стабильности. Согласно ему, конечной целью социального прогресса должно быть аморфное и бесконфликтное состояние, стерильное с точки зрения динамики и конфликта. Общество перманентного компромисса, отказавшееся от поиска истины. Оно же общество массового потребления. В своей сути унифицированное и утилитарное общество. И стоит только на него дунуть, как оно разлетится по ветру, однако, рассеяв вместе с собой и все достижения общесоциального прогресса. Башня современности рухнет, надолго предотвратив какое-либо строительство на своих руинах. История повернется вспять. Все высокие достижения современного общества будут заклеены и признаны упадочными. Этого ли мы хотим?

Типология отчуждения

Проблема берет свое начало с заката модерна. Казалось бы, мир был готов вступить в новую эпоху, что он опрометчиво и сделал впоследствии. Однако он не имел права, поскольку ключевые противоречия прошлого все так же оставались нерешенными. Отчуждение. Бич человечества со времен появления первых форм частной собственности. Опыт Красного мая в 1968 г. показал, что со временем оно только прибавило в актуальности, поглотив и пропитав своим желудочным соком практически все сферы общественной жизни. Сегодня мы можем говорить о трех взаимосвязанных типах отчуждения: экономическом [3. — С. 86], политическом [4. — С. 7] и психосоциальном [5. — С. 54]. Первый, поистине самый древний, расположен между векторами производства и потребления. Его суть заключается в объективации человека посредством влияния на его экономическую жизнь и перенаправления ее в интересах отдельных групп или лиц с целью последующего извлечения и максимизации их прибыли. Личность превращается в товар, рыночную переменную, от которой требуется только эффективное функционирование в рамках существующей экономической системы. Говоря же о втором типе, мы имеем дело с вытеснением человека из реальной политики, созданием иллюзии его участия в ней. И если раньше он не был допущен до процесса принятия государственных решений официально и открыто, то сейчас специально для него создается видимость его собственной важности в ее политическом понимании. Ему предлагается участие в выборах, политических акциях и митингах разного рода, посредством которых он пытается повлиять на власть. Но безрезультатно! За него уже все решили. Хотя бы потому, что швырнули в его лицо всего лишь пару-тройку альтернатив из необъятного океана подлинной свободы. Он — всего лишь пешка в

руках своих господ. Наивная, но при этом безразличная. Так мы подходим к наиболее серьезному и сложному отчуждению — психосоциальному. Нам продиктованы конкретные паттерны — модели поведения, которыми мы вынуждены пользоваться не только в обществе, но и наедине с самими собой. «Дайте мне оковы и цепи, и заберите себе ключи от них!» — говорит современный человек. Он не научился принимать каких-либо решений, он привык, что за него уже все решено. Формируется новый тип зависимого поведения. В осознании, казалось бы, полной свободы мы поступаем так, как от нас того ожидают. Наша новая вера — мейнстрим — психосоциальное потребление. Мы боимся выйти за пределы, преодолеть рамки, мы боимся быть самими собой. Парадоксально, но мы боимся субстанции, частью которой являемся. Мы — невротическое общество, не желающее пойти на прием к специалисту. И в этом поистине необъятном букете социальных болезней, в этом глобальном комплексе неполноценности мы сталкиваемся с айсбергом постмодерна.

Генеалогия левосоциальной теории

Здесь и сейчас единственным спасательным кругом для нас является углубление в изучение левосоциальной теории. Она является далеко не популярным веянием и тем более не выдумкой современности. Это совокупное учение, существовавшее на протяжении практически всей истории социально-политической мысли. Разговор об освобождении можно было бы начать еще с «Государства» Платона [6. — С. 224], однако же, нам представляется это весьма неразумным ввиду: 1) его утопичности, выраженной в максимальной оторванности от какой бы то ни было действительности и ее условий и 2) отсутствия какой-либо единой и слаженной системы в античном мире (разговор если и уместен, то только о

некой протосистеме, в то же время не обладающей определенными четкими рамками и отличительными характеристиками), которую мог бы анализировать и критиковать главный философ древности. Наше повествование мы начнем с так называемого премодерна — эпохи возвеличивания и господства трансцендентного. В его рамках начинается активно развиваться христианская гуманистическая традиция [7. — С. 22], ставшая первыми ростками левосоциальной теории. Несмотря на тоталитаризацию института церкви, имевшую место в Средних веках, теологии отчасти удалось сохранить свою чистоту в своих двух основных тезисах: 1) человек есть образ и подобие Божье (т.е. человек выше всего) и 2) неправедная мирская жизнь (т.е. жизнь без Бога) отталкивает человека от жизни вечной (отказываясь от своей природы в пользу общественных норм (в данном случае культивированного греха) человек рискует лишиться (и лишается) своей субъектности). Парадоксально, но именно христианству мы обязаны появлением новой эпохи — Ренессанса, который впоследствии преобразуется в модерн. Опыт начинает довлеть над традицией. Абсолютный разум становится новой верой, на почве которой уже благополучно могли расцвести молодые деревья Нового времени. Идея освобождения вырвалась за рамки трансцендентного. Вместе с естественными науками она встала в первые эшелоны войска прогресса, обеспечив динамизмом искусство, технику, быт и социально-политическую мысль. Модерн дал нам все. Он — фундамент. Именно благодаря ему левосоциальная теория превратилась в четкое и оформленное учение, порой даже выходящее за свои собственные границы. Но кем они были очерчены? История берет свое начало с немецкой классической философии идеализма [8. — С. 173], представленной Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем. Ее основной заслугой

является тезис о необходимости достижения определенного состояния, в котором будет выражаться гармония внутреннего мира человека и среды его окружающей. Очевидно, ответ на этот тезис не заставил себя ждать. Увидеть в нем проблему удалось двум германским эмигрантам, пришедшим к выводу, что «идеального состояния» достичь невозможно ввиду конкретных политико-экономических и социально-культурных причин, описанных нами ранее. Тех философов, которыми начинается новая глава Библии прогресса, звали Карл Маркс и Фридрих Энгельс [9. — С. 22]. Они первыми обозначили социально-политическую проблематику человечества сквозь призму истории его существования, прямо указав на способы и средства реконструкции существующей системы. Учение Маркса и Энгельса было распространено и дополнено выдающимся философом Великой Октябрьской революции В. Лениным [10. — С. 71]. Он в значительной степени популяризировал и инклюзировал основные принципы левосоциальной теории, впервые воплотив их на практике. В дополнение к марксизму-ленинизму идет менее политизированная, но ни разу не отстающая по своему вкладу в общесоциальный прогресс теория — учение З. Фрейда [5. — С. 54]. Австрийский психоаналитик буквально вскрыл тело человеческого общества, наглядно показав его опухоли и патологии. И причиной таковых являлось не что иное, как действующая система, репрессивно воздействующая на человеческую личность и уничтожающая ее изнутри. Если немецкая классическая философия идеализма предоставила тезис, марксизм-ленинизм вывел из него проблему, то эпоха постмодерна нашла для нее соответствующее решение. Первопроходцами в области социальной анатомии нового общества стали представители Франкфуртской критической школы [11. — С. 5] (в частности Г. Маркузе, Э. Фромм и А. Грамши

как теоретик, предвосхитивший ее создание). Современность по своей сути тоталитарна. Посредством создания новых культов и возведения соответствующих им кумиров она обрекает нас на новое рабство — рабство физического и духовного, сознательного и бессознательного. Системе воспротивился весь мир, и май 1968-го стал тому подтверждением. Теория вновь обратилась в практику. Тысячи интеллектуалов вышли на улицы Парижа, чтобы выразить свое несогласие с текущим порядком вещей, бросить вызов государству как машине массового насилия. Местом битвы за свободу Франция послужила далеко неслучайно. Причина тому — богатейшая философская традиция Пятой республики в лице ее наиболее ярких представителей: Л. Альтюссера [12. — Р. 256] и М. Фуко [13. — Р. 262]. Общество — это система наглого обмана. Цель этой системы — конструирование определенных образов для привлечения и удержания внимания человека, его максимального включения в репрессивный процесс на ролях жертвы. Говоря о современности, следует заметить, что вышеописанная социальная тотальность была подвергнута полному разоблачению. Система уже не просто обманывает, она убивает нас. Отныне не мы, но она определяет ход так называемого прогресса. И если прибегнуть к детальному анализу современного общества, станет понятным, что этот прогресс — лишь тонкий поверхностный слой, прикрывающий дно общесоциальной стагнации (если не постепенного регресса). Величайший философ наших дней, один из немногих приверженцев и продолжателей левосоциальной теории С. Жижек [14. — С. 7] в рамках основания Люблянской лаканианской школы вновь обращается к психоанализу для познания существующей системы с целью последующего опровержения постулатов, являющихся ее фундаментом. Общество — это кризис. Кризис каждой отдельной личности, пристра-

тившейся к навязанным представлениям о благе. Личности, существующей в системе множества симулякров, при этом отдаленной от реальной деятельности. Личности глубоко несчастной, но отчего-то свывшейся со своим горем, более того, пристрастившейся к нему.

Современное состояние (диктатура)

В процессе рассмотрения истории социально-политической мысли мы могли наблюдать рост и развитие левосоциальной теории. Ростки премодерна в следующую эпоху стали могучими кронами деревьев по ее окончании и переходе в постмодерн дали свои плоды. Что ждет левосоциальную теорию сейчас? Новый урожай или гибель? Безжалостная вырубка из соображений ненадобности? В противном случае история завершится именно так. Современный мир — это система четырех диктатур, которые условно можно разделить на два блока: социально-экономический и политико-культурный. К первому относятся: 1) диктатура потребления, базирующаяся на рыночном фундаментализме, и 2) диктатура большинства. Последняя выражена в отрицании реальной социальной проблематики и ее нивелировании посредством навязывания ложных ценностей. Второй блок — 3) диктатура авторитета (силы), то есть укоренение и укрепление навязанных ценностей и устройства системы в соответствии с ними, и 4) диктатура информации, принуждающая человека к восхвалению системы и участия в ее формообразующих акциях. Таким образом, в случае забвения левосоциальной теории общество, отказавшееся от сопротивления, придет к своему логическому завершению. Оно попросту изживет себя. Выполнит свое историческое предназначение. В эпоху, когда человек отказывается от своей сущности, от перманентного противоборства с системой в мятежных исканиях свободы, общество не может быть обречено на что-либо иное, как только на гибель.

Литература

1. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. — М., 1990.
2. Debord G. La Société du spectacle. — Callimard, 1996.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — М., 2010.
4. Ленин В. Государство и революция. — М., 1974.
5. Фрейд З. Тотем и табу. — СПб., 2005.
6. Платон. Государство. — М., 2005.
7. Евангелие. — М., 2005.
8. Маркс К. К критике гегелевской философии права. — М., 2007.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — М., 2016.
10. Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм. — М., 1952.
11. Маркузе Г. Одномерный человек. — М., 2003.
12. Althusser L. Pour Marx. — La Découverte, 2005.
13. Foucault M. Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines. — Callimard, 1966.
14. Žizek S. Welcome to the Desert of the Real. — Verso, 2013.